

Из-за раненой руки жизнь Джошуа Даллера превратилась в сплошное испытание. Будь он один, еще как-то перебился бы, но на его попечении оставалась младшая сестра, Роши, которая все еще не оправилась от болезни. В одиночку со всем этим парень просто не справлялся.

Чтобы уберечь сирот от голодной смерти в их полуразрушенном доме, Янь Суйчжи и Гу Янь временно приютили ребят в своем отеле.

На время залога на Джошуа наложили кучу ограничений: ему запрещалось покидать пределы города, а также встречаться с потерпевшей и свидетелями во избежание сговора. Запрет распространялся даже на родственников Китти Белл — той самой пожилой жертвы ограбления. Видеться с мальчишкой, который на днях плеснул в него кипятком, Джошуа тоже не имел права.

Зато общаться с адвокатами он мог беспрепятственно.

Бум! Бум! Бум!

В дверь Янь Суйчжи настойчиво забарабанили. Судя по беспардонному, раздражающему грохоту, на пороге стоял не кто иной, как Джошуа Даллер.

Янь Суйчжи сидел в глубоком кресле у окна, вытянув травмированную ногу. Подперев подбородок ладонью, он сосредоточенно листал материалы дела.

— Войдите, — отозвался он, не поднимая головы.

Точь-в-точь как в прежние времена в деканском кабинете.

Гу Янь, сидевший напротив и набиравший ответ на электронное письмо, на мгновение замер, а затем поднял взгляд на своего собеседника.

Янь Суйчжи перелистнул страницу и только тогда заметил этот пристальный взор.

— Что такое? — поинтересовался он.

Только договорив, он сообразил, в чем дело, и тихо рассмеялся. Потянувшись к лежавшему на столе пульту, Янь Суйчжи нажал кнопку разблокировки замка и добавил в оправдание:

— Совсем забыл, что мы не на Декаме. По старой привычке жду, что замок откроется по голосовой команде.

Гу Янь бесстрастно отвел взгляд и вернулся к прерванному письму.

«Хорошо хоть, выкрутился вполне естественно», — мысленно порадовался профессор Янь.

— Ну и зачем я вам понадобился? — с ходу заворчал вошедший Джошуа. Он раздраженно взъерошил волосы. — Опять расспрашивать будете, что там стряслось той ночью?

У парня не было при себе такого дорогого гаджета, как пластичный смарт-браслет, но, к счастью, в номерах работала внутренняя связь. Так что Янь Суйчжи достаточно было нажать пару кнопок, чтобы вызвать своего подопечного на «допрос».

— А ты как думаешь? О чем еще нам с тобой говорить? — Янь Суйчжи свернул висевшую в воздухе голограмму.

— Да там рассказывать-то нечего! Вы за последние два дня одно и то же по кругу раз восемьсот переспросили, — недовольно буркнул Джошуа, тяжело топая к столу.

— Ну же, не упирайся, это бесполезно, — улыбнулся Янь Суйчжи и похлопал по сиденью третьего стула, приглашая парня сесть.

Выяснение всех деталей той ночи и поминутное восстановление передвижений Джошуа — вот чем без усталости занимался Гу Янь все это время.

Согласно правилам Ассоциации адвокатов Союза, судебный защитник обязан встречаться с подзащитным исключительно в присутствии третьих лиц. Кем будет этот третий — помощником, стажером или техническим юристом, — значения не имело. Правило ввели с одной целью: помешать недобросовестным адвокатам использовать грязные приемы ради победы в суде. Хотя толку от этого предписания, честно говоря, не было никакого.

Поскольку Янь Суйчжи из-за травмы передвигался с трудом, а Гу Янь не горел желанием ежедневно наблюдать за его хромым, черепашьям шагом, допросы решили проводить прямо в номере профессора.

Отправив последнее рабочее письмо, Гу Янь поднял взгляд на Джошуа:

— Пусть даже мы спросим об этом в восемьсот первый раз. Мне нужно, чтобы ты твердо гарантировал: каждое твое слово — чистая правда.

— Конечно, правда, на черта мне вам врать? — фыркнул Джошуа и закатил глаза, неохотно скидывая ладонь. — Я ничего не крал. Сказал же: это не моих рук дело, значит, не моих.

— Полагаю, не лишним будет напомнить, — мягко вставил Янь Суйчжи, — что по закону

адвокат обязан строго соблюдать конфиденциальность. Мы не только имеем право, но и обязаны хранить в тайне все, что ты нам расскажешь.

Насколько далеко заходит эта тайна? К примеру, если подзащитного обвиняют в умышленном убийстве, а полиция никак не может отыскать оружие преступления, адвокат, даже зная от клиента, куда припрятана улика, не имеет права выдать эти сведения следствию.

Обывателю подобный подход покажется верхом цинизма и аморальности. Одни юристы следуют этой букве закона без малейших угрызений совести, другие же всю жизнь борются со внутренним разладом и сомнением.

В свое время Янь Суйчжи в шутку называл это «правилом дьявола» — мрачным, грязным компромиссом, идущим вразрез с элементарными нормами морали. Однако суровая реальность такова: только в этих защитных рамках дьяволы соглашаются раскрыть правду.

В восемьсот первый раз успокаивая Джошуа, Янь Суйчжи неторопливо произнес:

— И потому...

— ...потому вы ждете, что я отброшу все сомнения и выложу все как есть, даже если натворил редких глупостей, ведь это останется между нами, — без всякого выражения, будто заученный урок, договорил за него Джошуа. — Понял я, понял. У меня уже уши вянут от этих речей, скоро сам цитировать смогу.

Но ни Янь Суйчжи, ни Гу Яня его колючий тон не задел — оба давно привыкли к подобным юношеским взбрыкам.

— Ну так что ты делал двадцать первого числа, начиная с обеда и до самой ночи? — спросил Янь Суйчжи, сверяясь с открытыми файлами.

— Днем на стройке сцепился с одним типом. Мне рассекли скулу, зато выплатили сотню си компенсации и отпустили пораньше. Так я получил внезапный выходной...

Тогда он стоял посреди улицы с разбитым лицом и зажатыми в кулаке купюрами, не понимая, радоваться ли неожиданным деньгам или злиться на весь белый свет. Сама эта нелепая двойственность угнетала сильнее всего.

Слизывая соленую кровь с разбитой губы и баюкая ноющую щеку, парень вернулся домой, немного поспал, а под вечер снова выбрался в город. В лавке дешевой бижутерии на углу он присмотрел простенькие жемчужные серьги за шестьдесят восемь си. А затем с этой копеечной, но довольно милой безделушкой в кармане взобрался на забор Китти Белл.

— Зачем тебе понадобились эти серьги? — прервал его Гу Янь.

Вопрос звучал уже не единожды, но Джошуа всякий раз на несколько секунд замыкался в себе, прежде чем ответить.

—... Днем, когда прилег поспать, мне приснилась бабушка, — глухо проговорил он.

— Почему именно она?

— Да кто ж его знает.

Возможно, разбитая скула была сильнее обычного, а может, эта несчастная сотня си заставила его остро почувствовать собственное одиночество и никчемность... Но сквозь зыбкий сон к нему пришла бабушка, которой не стало уже несколько лет назад.

Ему снилось, будто он хозяйничает на тесной кухоньке, варит сестре жидкую похлебку. За окном хлещет ливень, вода с крыши льется сплошной стеной. А бабушка стоит там, под хлипким навесом, и с тихой, ласковой улыбкой смотрит на него через стекло.

Во сне он распахнул створки и крикнул: «Бабуль, на улице же ливень, тебя сейчас зальет! Чего ты там стоишь, заходи скорее!»

Но та лишь поправила влажный подол, заглянула вглубь комнаты и мягко ответила: «Не пойду, родной. Я просто соскучилась, пришла проведать тебя».

«Да заходи же, ну! — занервничал он во сне. — Промокнешь вся!»

Бабушка лишь ласково покачала головой, так и не сделав ни шагу к двери.

Во сне он не понимал, откуда взялась эта щемящая, удушливая тоска и почему он так отчаянно умолял ее войти. Проснулся парень с мокрыми от слез глазами. Долго лежал, уставившись в потолок, а потом его будто обожгло изнутри — нужно купить жемчужные серьги. Те самые, о которых бабушка мечтала при жизни, но так никогда и не носила.

— И все же, почему ты полез на забор к Китти Белл? — продолжили допрос адвокаты.

— Она... когда сидит в своем кресле под лампой и вяжет, безумно похожа на мою бабушку, — признался Джошуа. — Те же очки на кончике носа, те же неторопливые движения рук, даже профиль... один в один.

Иногда, когда тоска становилась невыносимой, он забирался на ограду и подолгу, укрывшись в ночных тенях, наблюдал за старушкой через запотевшее стекло. Но в тот вечер, поддавшись глупому порыву и купив серьги, он только у собственного порога осознал горькую истину: дарить их больше никому.

Тогда ноги сами понесли его обратно к дому Китти Белл. Только на этот раз он не остался на заборе, а бесшумно спрыгнул во двор. Он просто хотел оставить подарок — повесил на дверную ручку маленький бархатный мешочек с жемчугом и ушел.

Кто же знал, что именно в эту злополучную ночь в дом старушки ворвутся грабители, а мешочек, оставленный на ручке, сорвет порывом ветра прямо под ноги сыщикам. В отсутствие других зацепок эта копеечная бижутерия превратилась в неопровержимую улику. Камер в захудалом переулке не водилось, зато полиция без труда вычислила ювелирную лавку и изъяла записи с регистратора, на которых Джошуа во всех подробностях расплачивается за покупку. А когда эксперты нашли на его подошвах следы редкой почвы из палисадника Китти Белл... капкан захлопнулся окончательно.

— Давай еще раз. В какое точно время ты покинул двор? — спросил Гу Янь.

— Около половины восьмого, не позже, — ответил Джошуа.

Нападение произошло между десятью минутами восьмого и десятью минутами девятого вечера. Если бы они смогли доказать этот временной зазор, парень был бы чист. Это их единственный реальный шанс — подтвердить, что Джошуа ушел до того, как в дом вломились налетчики.

Но судьба словно издевалась над ними: ни одной рабочей камеры в округе, ни одного случайного прохожего. Алиби парня повисло в воздухе.

— Была бы там хоть одна паршивая камера, — Янь Суйчжи задумчиво постучал пальцами по подлокотнику кресла, — но, увы...

Джошуа посмотрел на них с глубоким отчаянием:

— Значит, толку от ваших расспросов все равно ноль?

<http://bllate.org/book/18278/1751037>